

УДК 811.511.152

DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-407-415

**Роль идентифицирующих слов в романе
А. К. Мартынова «Даволдо икеле» («Перед бурей»)**

Л. П. Водясова

*Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация,
LVodjasova@yandex.ru*

Г. С. Иванова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
galina17-05@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье описываются лексические единицы, для которых характерна идентифицирующая номинация, позволяющая адресату речи выбрать нужный предмет из поля его непосредственного или опосредованного восприятия.

Цель: выявление специфики идентифицирующих слов и определение их роли в художественном тексте.

Материалы исследования: конструкции с идентифицирующими словами, извлечённые из романа мордовского писателя А. К. Мартынова «Даволдо икеле» («Перед бурей»).

Результаты и научная новизна. Семантика слова во многом формируется под воздействием его роли в сообщении. Имея в виду, что в предложении постоянно реализуются две основные коммуникативные функции – идентификация предметов, о которых идёт речь, и предикация, вводящая сообщаемое, семантика слова приспосабливается к выполнению одного из этих двух предназначений. С учётом коммуникативной функции слова подразделяются на идентифицирующие и предикатные.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в российском финно-угроведении вводится понятие идентифицирующих и предикатных слов. Основное внимание уделяется характеристике идентифицирующих слов и выявлению их места в художественном тексте. Отмечается, что такие слова обладают денотативным значением и служат для соотнесения высказывания с определённым референтом. Автор выбирает их в зависимости от свойств идентифицируемого объекта и фона, на котором они фигурируют и от которого должны быть отделены. В состав значения номинации вводится индивидуализирующий признак. В избранном нами для анализа произведении в качестве идентифицирующих слов выступают собственные имена (топонимы и антропонимы), личные и указательные местоимения, местоимённые наречия, нарицательные имена.

Ключевые слова: семантика слова, идентифицирующая номинация, денотат, роль в сообщении, соотнесение с референтом

Для цитирования: Водясова Л. П., Иванова Г. С. Роль идентифицирующих слов в романе А. К. Мартынова «Даволдо икеле» («Перед бурей») // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 407–415.

**Role of identifying words in the novel
by A. K. Martynov “Davoldo Ikele” (“Before the Storm”)**

L. P. Vodyasova

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev,
Saransk, Russian Federation,
LVodjasova@yandex.ru*

G. S. Ivanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
galina17-05@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article describes the lexical units with an identifying nomination characteristic that allows an addressee of speech to choose the desired object from the field of his direct or indirect perception.

Objective: determination of the specifics of identifying words and determination of their role in a literary text.

Research materials: constructions with identifying words extracted from the novel by the Mordovian writer A. K. Martynov "Davoldo Ikele" ("Before the Storm").

Results and novelty of the research: it was revealed that the semantics of a word is largely formed under the influence of its role in the message. Bearing in mind that a sentence constantly realizes two main communicative functions – identification of an object and predication that introduces the message, – the semantics of the word adapts to the fulfillment of one of these two designations. Taking into account the communicative function, words are divided into identifying and predicate.

The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time in Russian Finno-Ugric studies the notion of identifying and predicate words is introduced. The main attention is paid to the characteristics of identifying words and to identification of their place in a literary text. It is noted that such words have a denotative meaning and serve to correlate the statement with a specific referent. The author chooses them depending on the properties of an identified object and the background on which they appear and from which they must be separated. An individualizing feature is introduced into the composition of the value of a nomination. In the work we have chosen for analysis, proper names (toponyms and anthroponyms), personal and demonstrative pronouns, pronominal adverbs, and common nouns act as identifying words.

Key words: word semantics, identifying nomination, denotatum, message role, correlation with a referent

For citation: Vodyasova L. P., Ivanova G. S. Role of identifying words in the novel by A. K. Martynov "Davoldo Ikele" ("Before the Storm") // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (3/54): 407–415.

Введение

С последней трети XX в. в центре внимания учёных-лингвистов находятся вопросы взаимодействия семантики и синтаксиса, тогда как до этого существовало чёткое разграничение: лексикология занимается семантической стороной языка, а грамматика (морфология и синтаксис) – формально-грамматическим аспектом. В современной науке произошла интеграция семантики и синтаксиса: с одной стороны, в лексической семантике, прежде всего в работах представителей московской семантической школы (Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук и др.), появился интерес к синтаксису; с другой, синтаксические единицы стали активно изучаться в семантическом аспекте (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, О. Н. Селиверстова и др.). В предложении варьируются лексические значения слов: одни семы актуализируются, другие – ослабляются, у них могут появляться дополнительные значения.

Актуальность предпринятого нами исследования заключается в том, что в финно-угорском языкознании вопросы синтаксиса, связанного с описанием синтаксических структур исходя из их семантики, а не формального строения, до настоящего времени не стали предметом активного изучения. Отдельные проблемы на материале различных языков разрешены в работах Н. Б. Кошкарёвой [8; 18], И. А. Николаевой, Е. В. Ковган, Н. Б. Кошкарёвой [17], а также авторов данной статьи [4; 5]. Чаще же здесь можно встретить труды, связанные с исследованием вопросов влияния лексических значений на синтаксические

функции слов (Н. М. Мосина, Н. В. Казаева [19], S. Virtanen [21]), структурно-семантических особенностей частей речи (В. Н. Соловар [12; 13]), соотношения частей речи и членов предложения (Г. С. Иванова [6; 7], Л. А. Федоркив [15]), функциональной нагрузки членов предложения (Л. П. Водясова [3]), текстообразующей функции языковых единиц (L. V. Vardanyan, L. P. Vodyasova, I. I. Kashtanova [20]) и др.

Анализ фактического материала убеждает нас, что семантика слова во многом формируется под воздействием его роли в сообщении. В предложении слово необходимо либо для идентификации предметов, либо для предикации. Согласно концепции Н. Д. Арутюновой, семантика слов приспособляется к выполнению одного из этих двух предназначений. Автор указывает, что в предложении постоянно реализуются две основные коммуникативные функции – идентификация предметов, о которых идёт речь, и предикация, вводящая сообщаемое [1; 2]. Больше внимания Н. Д. Арутюнова уделяет единицам, для которых характерна идентифицирующая номинация. «Идентифицирующее значение, – эмоционально утверждает она, – это перст, указывающий на денотат. К нему предъявляется только одно требование: адресату речи должно быть ясно направление семантической стрелки. Идентифицирующее значение обладает свойством прозрачности: через него просвечивает реальный объект» [1, 372]. Точка зрения Н. Д. Арутюновой находит поддержку в работах С. Ю. Степанова [14], Е. В. Падучевой [11], Й. Нёргор-Сёренсер

[10] и др. при представлении ими референциальных аспектов семантики различных частей речи.

С сожалением следует констатировать, что в финно-угорском языкознании понятие об идентифицирующих (да и предикатных) словах до настоящего времени даже не введено в научный оборот, тогда как эти единицы, прежде всего, «ориентированы на объективный мир» (Н. Д. Арутюнова), так как называют предметы действительности или указывают на них. Задачей нашего исследования становится описание их роли в художественном тексте.

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили контексты с идентифицирующими словами, извлечённые из романа Заслуженного писателя Мордовии, лауреата Государственной премии Александра Константиновича Мартынова «Даволдо икеле» («Перед бурей») [9], рассказывающего о жизни города и села в тяжёлые 20–30-е гг. прошлого века.

В работе в качестве основного используется системно-функциональный подход к изучению языка, в рамках которого наиболее актуальной для нас становится методика контекстуального анализа, процедура которой предполагает исследование идентифицирующих слов в составе речевого контекста. Важную роль играют также методы компонентного (семного) анализа, сплошной выборки, а также метод систематизации, применяемый для классификационного описания рассматриваемого теоретического и иллюстративного материала.

Результаты

Идентифицирующие слова обладают денотативным значением и служат для соотнесения с определённым референтом. Именно референция определяет и формирует их значение. Мы совершенно солидарны с Н. Д. Арутюновой, утверждающей, что их выбирают не только в зависимости от «свойств идентифицируемого объекта, но и от фона, на котором он фигурирует» и от которого «должен быть отделён», для чего в составе значения такой номинации должен присутствовать индивидуализирующий признак [2, 188–206].

Среди идентифицирующих слов, позволяющих адресату речи выбрать нужный предмет «из поля его непосредственного или опосредованного восприятия» [1, 326], первостепенное место занимают собственные имена (географические наименования, имена, отчества, фамилии

и прозвища людей, клички животных и пр.). И это объяснимо, так как они и появились в результате потребности выделения индивида из группы ему подобных. Их лексико-семантическая специфика раскрывается в сопоставлении с именами нарицательными. С одной стороны, это проявляется тесной связью обоих классов имён, а с другой, некоторой их противопоставленностью, что позволяет именам собственным выделяться в особую подсистему языка, отличающуюся своеобразием свойств и функций.

Среди собственных имён абсолютной уникальностью обладают топонимы – разнообразные географические названия, указывающие строго на индивидуальные предметы. Так, благодаря им, мы узнаём, что действие в романе проходит в двух населённых пунктах – городе Кедровске: *Пётр Сергеевич Камакшев, Кедровск ошонь партиянь райкомонь секретаресь...* [9, 8] ‘Пётр Сергеевич Камакшев, секретарь райкома партии города Кедровска...’; *Те кудось ашти Кедровск ошонь ... сехте мазый таркасо* [9, 39] ‘Этот дом стоит ... на самом красивом месте города Кедровска’ и селе Сивиньке: *Куштаева Марька Сивинькав пачкодсь уш сундерьгадозь...* [9, 21] ‘Куштаева Марька (Мария) в Сивиньки добралась уж затемно...’. Упоминаются и другие населённые пункты: село Азрапино Лопатинского района (*Азрапинасто... Лопанинань районсо* [9, 16] ‘Из Азрапино... в Лопатинском районе’), из которого приехал учиться в Кедровском педтехникуме Вася Яшков, село Сиялей (*Паряк, Сиялеев ... шнасынек?* [9, 5] ‘Может, в Сиялей... рекомендуем (букв: похвалим)?’, куда собирались первоначально назначить на работу Куштаеву Марию и др. Встречаются названия рек *Рав* ‘Волга’, *Ведьмеця*, *Ильмень*, горы *Тауза* и пр. Всё это создаёт определяемое творческим замыслом автора топонимическое пространство, в пределах которого размещаются герои, раскрываются события.

Вторую группу по уникальности среди собственных имён создают антропонимы (онимы) – собственные имена людей: личные имена, отчества (патронимы), фамилии, родовые имена, прозвища, являющиеся важнейшим средством наполнения информативного пространства художественного текста. Прежде всего, отметим, что их роль в произведениях мордовских писателей достаточно подробно освещена в статье С. В. Шеяновой, А. Ф. Юсупова [16]. Мы обратим внимание только на идентифицирующие функции онимов данного литературного

произведения. Самой высокой степенью идентификации обладают прецедентные онимы – фамилии и имена людей известных. Их использование в тексте предполагает интертекстуальные включения, помогающие автору более тонко описать героя произведения, дать ему оценку, представить его интеллектуальную составляющую. Имея в виду, что в романе главная сюжетная линия связана с Сергеем Маркиным, учащимся Кедровского педтехникума, писатель вводит в канву своего повествования имена известных учёных: *Сергей ловны сёрмадовсктнэнь: «Ломоносов...», «Лауазье...», «Галилей...», «Ньютон...», «Фарадей...», «Коперник...». Вай, зяро эйтэст! Кабинетэнь колмо стенатнестэ ваньть студенттнэнь лангс пишти сельмесэст ды прок кортыть: «Ванодо, тонавтнеде седе вадрясто!* [9, 46] ‘Сергей читает записи: «Ломоносов...», «Лауазье...», «Галилей...», «Ньютон...», «Фарадей...», «Коперник...». Ох, сколько их! С трёх стен кабинета смотрят на студентов внимательными (бук.: острыми) глазами и словно говорят: «Смотрите, учитесь лучше»’. Он упоминает имена А. П. Чехова, с которым стали сравнивать Сергея Маркина, когда тот стал пробовать свои силы в сочинительстве (...*муевсь эрзянь Чеховось... ‘...нашёлся эрзянский Чехов...’*), Сергея Есенина (студенты педтехникума много спорят о значимости его творчества), писателей – зачинателей мордовской литературы Ф. М. Чеснокова: *Течи миненек эряви ванномс эрзянь содавикс писателенть Фёдор Маркелович Чесноковонь сёрмадомань ды эрямо кинзэ* [9, 48] ‘Сегодня нам надо рассмотреть творческий (букв.: писательский) и жизненный путь известного эрзянского писателя Фёдора Маркеловича Чеснокова’, П. С. Глухова: *...поки мельсэ ловнызе эрзянь писателенть Пётр Семёнович Глуховонь «Кедровой пеишть» ёвтнеманзо* [9, 45] ‘...с удовольствием прочитал рассказ эрзянского писателя Петра Семёновича Глухова «Кедровые орехи»’. Мы встречаем имя знаменитого волжского богатыря, борца Михаила Борова, с которым автор сравнивает одного из персонажей романа: *Тумай Ваня... Арсян, Боров ёнов молиця эйтэнзэ лиси!.. Ули ... эрзянь истямо ине виень ломань... Сон чачсь ... Рав чиресэ* [9, 30] ‘Тумаев Ваня... Думаю, из него получится похожий на Борова!.. Есть ... такой великой силы эрзянин... Он родился ... на берегах Волги’ и некоторые др. Как видим, прецедентные онимы становятся важным средством обеспечения цельности текста, усиливающим его эстетическую значимость и прагматический потенциал.

Это мощное средство воздействия на читателя, способ представления художественной картины мира в его сознании.

Онимы идентифицируют лица в конкретных коллективах, по-разному представляют персонажей произведения. А. К. Мартынов использует разнообразные приёмы их именования, однако удивляет, что несмотря на то, что действие романа происходит в 20–30-е гг. XX в., писатель почти не применяет этнические маркеры. Практически все персонажи носят типичные для современности имена. В романе в основном представлен мужской антропоним, женский довольно незначителен. Большинство героев, представляющих старшее поколение, имеют фамилии, имена и отчества: *Пётр Андреевич Камакшев, Поликарп Софронович Сидоров, Андрей Николаевич Степаков, Константин Павлович Маркин, Тимофей Петрович Учайкин* и др. Обращаются к ним обычно по имени и отчеству (*Пётр Андреевич, Константин Павлович*), иногда – с некоторым их искажением (*Кистинтин Палыч, Прохор Ермолаич, Ерофей Фомич*) что, на наш взгляд, совершенно не свойственно было для того времени, особенно если речь не шла об официальных лицах. Молодёжь представляется автором по фамилии и имени: *Маркин Сергей (Серёга, Серьга), Яшков Вася, Карвин Юра, Сырьескин Сёма* и др. Как видим, большинство фамилий имеют заимствованные из русского языка корни, и только некоторые – мордовские (*Тумайкин* от *тумо* ‘дуб’, *Сезьганов* от *сезьган* ‘сорока’ и др.), однако такие фамилии автором не обыгрываются, соответственно, они не несут функциональной грузки. Исключения составляют только имя и фамилия одного из главных героев романа – *Петра Андреевича Камакшева*. Мордовское слово *камакиш* ‘коренной зуб’, от которого происходит фамилия героя, помогает характеризовать его как стойкого и принципиального человека, твёрдо стоящего на ногах и уверенной рукой ведущего вверенный ему Кедровский район к светлому будущему. Семантическую нагрузку несёт и имя героя: *Пётр* в переводе с древнегреческого означает *скала, камень*. Некоторое этническое своеобразие придают подчинённые эрзянской фонетике такие формы имён, как *Куштай Марька* (встречается наряду с паспортным *Куштаева Мария Николаевна* (или *Никитична* – при издании в тексте, скорее всего, не заметили это расхождение), *Тумай* (Тумайкин) *Ваня, Пижайкин Хрола* (Фрол), *Абадимень* (Абадимова) *Ольга, Сезьганов Прока* (Прок) и др. Не встречаются мужские персонажи

в сочетании с характерным для мордовского села словом *атя* ‘старик’ (исключением является только то, что два раза на протяжении текста *Маркин Константин Павлович* (и только он) именуется как *Костятя* ‘дед Костя’), указывающим на возраст, наименования жён по имени мужей, единичны они со словами, обозначающими родственные и свойственные связи: *Петра лелязо* ‘[его / её] дядя (старший брат)’, *Люба уряжезэ* ‘Люба уряж’, *Марька уряж* ‘Марька (Мария) уряж’ (*уряж* – непереводимая лингвистическая реалия, обозначающая обращение к замужней женщине лиц со стороны мужа, младших по возрасту), что в большой степени свойственно для других произведений, повествующих о жизни и быте людей того времени. Несколько имён имеют в том числе и уменьшительно-ласкательные формы, однако все они образованы по аналогии с русскими именами (*Карпуша, Эльвирушка, Антошка, Тимошка, Артёмка*). Для придания большей индивидуализации автор вводит ряд онимов с суффиксами определённости единственного числа *-сь*: *Монь Агрушкась...* [9, 43] ‘Моя Агрушка... (уменьшительно-ласкательная форма от *Агриштина*). Они-мы с суффиксом определённости множественного числа *-тне/-тнэ* используются для обозначения совокупности лиц (*Маркитнэ* [9, 6] ‘Маркины’, *Куштаевтнень кудось* [9, 20] ‘дом Куштаевых’, *Солдатовтне ды Тетеревтне* [9, 24] ‘Солдатовы и Тетеревы’), а онимы с суффиксом *-инька* – для обозначения группы лиц, имеющих данную фамилию, или объединение людей по родоначальнику или членов этих групп (*Куштаинькань урьвась* [9, 22] ‘сноха Куштаевых’).

В тексте романа встречается несколько прозвищ. Все они семантически маркированы, обладают характеризующей функцией, являются источником экспрессии и образности: *Салмукс* ‘букв.: Иголка’ (торговец иголками: *Сялгонесынзе салмуксонзо ... ды туи велеванть ... пижнеме: «Кинень салмукст! Микшиян эрьва кодат салмукст!»* [9, 7] ‘Нанижет [свои] иголки ... и идёт ... кричать по селу: «Кому иголки! Продаю разные иголки!»), *Собня* (прозвищем стало сочетание *собственно говоря*, которое учитель труда в педтехникуме адаптировал под себя и очень часто использовал в своей речи), *Сезьган* ‘букв.: Сорока’ (*Чамазояк пизьгатав, теке сезьганонь алнэ, судозояк теке сезьганонь нерь. Човине пильгтнень лангсо яки, мерят, сезьган кирнятни* [9, 31] ‘И лицо [у него] веснушчатое, словно сорочье яйцо, и нос, словно сорочий ключ. На тонких ногах ходит, словно сорока прыгает’).

Нередко идентификаторами становятся местоимения, при этом личные местоимения (собственно-личные и усилительно-личные) имеют значение идентификаторов в конкретной ситуации: *мон* «я», *монсь* «я сам (-а, -о)» обозначают говорящего, *тон* «ты», *тонсь* «ты сам (-а, -о)» – собеседника, *сон* «он, она, оно», *сонсь* «он сам, она сама, оно само» – конкретное лицо, не участвующее в беседе, или предмет, упоминаемые в данной речи и т. д. В тексте мы находим многочисленные примеры их идентифицирующей функции: *Мон сынст [кедень] илинь уш, кодамо-як чине эйтэст а качады... На, тонсь никсить* [9, 31] ‘Я их [руки] вымыл уж, никакого запаха от них нет... На, ты сама понюхай’ – из ситуации ясно, что *мон* «я» – это Поликарп Софронович, а *тонсь* «ты сама» – Эльвира, его жена; *Вана миньгак окоиники пачкодинек...* [9, 81] ‘Вот и мы наконец добрались...’ – из контекста мы узнаём, что *минь* «мы» – это Сергей Маркин и его друг Яшков Вася, приехавшие навестить родителей Сергея; *Минь – сыненст, сынь – миненек. Эрятано вейке-вейкенень лездазь* [9, 73] ‘Мы – им, они – нам. Живём, помогая друг другу’ – контекст помогает нам узнать, что *минь* «мы» – это учащиеся педтехникума, а *сынь* «они» – представители конезавода.

Однако чаще всего среди местоимений в качестве идентификаторов используются указательные местоимения *те* ‘этот, эта, это’, *се* ‘тот, та, то’, *истямо се* ‘такой (-ая), (-ое)’, *неть* ‘эти’, *сеть* ‘те’, *истят* ‘такие’. Все они являются средством указания на лицо или предмет, различаются лишь тем, что *те* ‘этот, эта, это’, *се* ‘тот, та, то’, *неть* ‘эти’, *сеть* ‘те’ выражают различные оттенки пространственных признаков, а *истямо се* ‘такой (-ая), (-ое)’, *истят* ‘такие’ имеют оттенок усилительности. Наиболее обычная их синтаксическая функция в предложении – быть определением: *Венстик вана те пильгенть...* [9, 76] ‘Вытяни вот эту ногу...’; *...кинень ды мезекс эряви те авардемась?* [9, 136] ‘...кому и зачем нужен этот плач?’; *Ветятанзат се кудонтень, косо кармат тонавтомо* [9, 69] ‘Отведёт в тот дом, в котором будешь учить’; *Сёксень истямо шкасто Маркин Сергей сехте пек вечки якамо вирьга* [9, 184] ‘В такое осеннее время Маркин Сергей больше всего любит ходить по лесу’; *...уш пантнезь тонь кемтне? – Нетне аволь монь. Нетнень ма-сынзе Люба уряжем ки лангов* [9, 83] ‘...уже подшиты твои сапоги? – Эти не мои. Эти дала [мне] Люба уряж на дорогу’. Эти местоимения могут употребляться и самостоятельно. Подвергаясь

процессу актуальной субстантивации, они занимают позицию имени существительного, начинают изменяться по падежам и, соответственно, в предложении выполнять функции, свойственные уже этой части речи: *Сёрматне эрсить конвертсэ! Те жо стихотворения, моро...* [9, 136] 'Письма бывают в конверте! Это же стихотворение, песня...'; *Цеят свал кандтнить калмолангов. Теньсэ ломантне невтить эсь вечкемаст сетненень, кить а эрить мартоост светэнтъ лангсо. Лисни, те а тукины сакаловонть мельс* [9, 13] 'Цветы всегда носят на кладбище. Этим люди показывают свою любовь тем, кто не живёт с ними на этом свете. Выходит, это не нравится бородатому'; *Истямо тев ульнесь, сень эзия стувто* [9, 69] 'Такое дело было, его (букв.: того) [я] не забыл'; *Тедде чатьмонть* [9, 85] 'Об этом молчи'. Для придания высказыванию большей выразительности или убедительности автор эти местоимения иногда вводит в текст в сочетании с постпозитивными усилительными частицами -ке 'и', -як 'и': *...текенъ ансяк ёвтызе цёрась...* [9, 69] '...это только и сказал парень...'; *...малав секе таркасонть...* [9, 97] '...почти в том же месте...'; *Теяк виде, ялгат-оят* [9, 110] 'И это верно, друзья-товарищи'. Субстантивированное местоимение *те* «этот, эта, это» может указывать на предметы и явления, которые предстают в виде наглядно-чувственных образов. Такие контексты в романе единичны, но в них оно действительно напоминает указывающий на денотат «перст», о котором говорит Н. Д. Арутюнова [1, 372]: *Те вана козяйка Катерина, те – тейтерем. Лемезэ Груня* [9, 70] 'Это вот жена [моя] Катерина, это [моя] дочь. [Её] зовут Груня'.

Идентифицирующую функцию выполняют и нарицательные имена, обладающие полной семантической структурой. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, она приложима к любому предмету, «относительно которого истинно их значение», представляющее собой «стабильный элемент их семантической структуры...» [1, 328]. При использовании нарицательных имён существительных для идентификации предмета писатель использует различные дополнительные средства, среди которых наиболее распространены указательные местоимения и наречия, притяжательные местоимения, указательные частицы и пр.: *Содасынек, кодамо сон тонь се ломанесь* [9, 6] 'Знаем, какой он этот твой человек'; *Тосо жо, монь те ригасонть, олгодо ды чеерде башка, мезеяк араськак* [9, 93] 'Там же, в этой моей риге, кроме соломы и мышей, и нет ничего'; ...

моньгак чумонды, келя, аволь минек оймень ломань эят истямо покш тев [9, 9] '...и меня обвиняет, якобы, не нашего (букв.: не нашей души) человека суёшь на такое большое дело'. Указательная частица *вана* 'вот' указывает на предметы и явления внешнего мира, тем самым подчёркивает, выделяет их: *Вана нейгак ... сын чатьмонсть...* [9, 32] 'Вот и теперь ... они молчали'. В сочетании с соединительным союзом *ды* 'и', выделительно-ограничительной частицей *ансяк* 'только', местоимениями и местоимёнными наречиями она помогает автору привнести в текст значения акцентирования, следственности, подготовленности, иногда сочетая с их оценкой: *Сёрмадт вана мезе...* [9, 95] 'Запиши вот что...'; *Дык вана монь валом...* [9, 136] 'Так вот моё слово...'; *Ансяк вана чатьмонить сонзэ [Марькань] коряс* 'Только вот молчат про неё [Марьку (Марию)]'. Указательная частица *оно* 'вон' указывает на более отдалённые предметы, явления: *... оно зяро урядынек чиньжарамотнеде* [9, 73] '...вон сколько убрали подсолнухов'. Свойственную для разговорной речи частицу *ва* 'вот' автор использует для усиления предшествующего слова: *Ва седе тов кармат содамонзо* [9, 17] 'Вот потом (букв.: дальше) и узнаешь [его]'. Для большей конкретизации указания он строит конструкции с частицей *те* 'это', усиливающих значение вопросительных местоимений или наречий: *Те истя мекс, цёрам...* 'Это так почему, сынок...'. Средством уточнения, выделения смысла того лица или иного слова служит определительная частица *самай* 'именно': *...те Вася, самай се ломанесь, кона таргинзеть ваямсто* [9, 112] '...это Вася, именно тот человек, который вытащил [тебя], когда тонул'.

В качестве идентифицирующих слов автор использует также имена прилагательные, обозначающие конкретизирующий признак предмета, характеризующий его с разных сторон, фиксируя различные физические и функциональные аспекты. Например, в предложении: *Сергей ... эзь фатаяк, косто ваксозонзо сась те сэрей, шумбра, аволь пек сыре ломанесь* [9, 12] 'Сергей ... и не заметил, откуда рядом с ним возник этот высокий, здоровый, не очень старый человек' – указательное местоимение *те* 'этот', указывает на определённый, близко находящийся предмет, имя прилагательное *сэрей* 'высокий' характеризуют рост человека, *шумбра* 'здоровый' – его физическое состояние и, наконец, *аволь пек сыре* 'не очень старый' – возраст. В предложении: *Ломантне кецнить тундонь васень пиземетненень*

[9, 234] ‘Люди радуются первым весенним дождям’ – имя прилагательное *тундонь* ‘весенним’ идентифицирует время года, *васень* ‘первым’ – начало этого времени года. Для конкретизации признака предмета используются также имена существительные: ...*аволь весть цёркась ледстнизе велесэ эрямонть* [9, 26] ‘...не раз паренёк вспомнил жизнь в деревне’ (имя существительное *велесэ* ‘в деревне’ в форме инессива основного склонения идентифицирует признак по месту проживания), причастия с зависимыми словами: ...*пачтякшнынзе аванзо паневть тантей сюкортнэнь* [9, 26] ‘...доставила испечённые матерью вкусные лепёшки’ (причастный оборот *аванзо паневть* ‘испечённые матерью’ идентифицирует действие и его производителя, а имя прилагательное *тантей* ‘вкусные’ – вкус предмета) и т. д.

Обсуждение и заключение

Таким образом, обладающие денотативным значением идентифицирующие слова в художественном тексте служат для соотнесения высказывания с определённым референтом. Автор выбирает их не только в зависимости от свойств идентифицируемого объекта, но и от фона, на котором он фигурирует и от которого должен быть отделён. С этой целью в состав значения такой номинации вводится индивидуализирующий признак.

В рассматриваемом нами произведении среди идентифицирующих слов, позволяющих писателю выбрать нужный предмет из поля его непосредственного или опосредованного восприятия,

первостепенное место занимают собственные имена (топонимы и антропонимы), лексико-семантическая специфика которых раскрывается в сопоставлении с именами нарицательными. Их идентифицирующая функция позволяет устанавливать тождество называемых единичных объектов в тексте. Они создают определяемое творческим замыслом автора пространство, в пределах которого происходят события, раскрывается обаятельная система романа.

В качестве идентификаторов в романе выступают также личные (собственно-личные и усиленно-личные) и указательные местоимения, при этом первые обладают значением идентификаторов в конкретной ситуации, а вторые выделяются среди однотипных вариантов предметов, признаков и количеств такой предмет, признак или количество, который представляет интерес в данном контексте.

Идентифицирующую функцию выполняют также нарицательные имена, обладающие полной семантической структурой, приложимой к любому предмету, относительно которого истинно их значение, представляющее собой стабильный элемент семантической структуры. При использовании нарицательных имён писатель широко использует различные дополнительные средства, среди которых наиболее распространены указательные местоимения и наречия, притяжательные местоимения, частицы, имена прилагательные, причастия с зависимыми словами, имена существительные, обозначающие конкретизирующий признак предмета.

Список источников и литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 103–206.
3. Водясова Л. П. Семантика и функционально-синтаксические свойства местоимений в современном эрзянском языке // Филология: научные исследования. 2018. № 1. С. 66–76.
4. Водясова Л. П. Функционально-смысловые типы речи как коммуникативно и прагматически обусловленные разновидности монолога // Гуманитарные науки и образование. 2018. Т. 9. № 3. С. 157–162.
5. Водясова Л. П., Иванова Г. С. Неактуализированные и актуализированные члены предложения в современном эрзянском языке // Вестник урovedения. 2022. Т. 12. № 4 (51). С. 607–615.
6. Иванова Г. С. Реляционная парадигматика отрицательных местоимений в мокшанском языке (на примере инсарского диалекта) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. Вып. 2. С. 191–198.
7. Иванова Г. С. Словоизменительный потенциал личных местоимений (на материале мокшанских диалектов) // Вестник урovedения. 2020. Т. 10. № 2. С. 225–235.
8. Кошкарёва Н. Б. Парадигма акциональных предложений в хантыйском и ненецком языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. № 18 (9). С. 102–126.
9. Мартынов А. К. Даволдо икеле: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. 240 с.
10. Нёргор-Сёренсер Й. Референциальная функция русских местоимений (в сопоставлении с местоимениями некоторых других славянских языков) // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 35–47.
11. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.

12. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами *йира / йирна / пōхан / пōхын* // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 328–337.
13. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности хантыйских глаголов с превербом щив (на материале казымского диалекта) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 4 (51). С. 723–730.
14. Степанов С. Ю. Имена. Предикаты. Предложение. М.: Наука, 1981. 361 с.
15. Федоркив Л. А. Функционально-семантическая характеристика местоимения *нэмэжты / нэмэжты* в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 707–719.
16. Шеянова С. В., Юсупов А. Ф. Антропонимическое пространство современного мордовского романа // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 113–122.
17. Nikolaeva I., Kovgan E., Koshkareva N. Communicative Roles in Ostyak Syntax // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1993. Band 51. Heft 1–3. Pp. 125–167. DOI: <https://doi.org/10.33339/fuf.114379> (дата обращения: 14.06.2023).
18. Koshkareva N. Topic and focus in Khanty and Nenets (Communicative roles and pragmatic strategies) // *The 18th International Congress of Linguistics “Unity and Diversity of Languages”* (July 21–26, 2008, Seoul). Abstracts: in 2 vol. Seoul: Korea University, 2008. Vol. 2. Pp. 367–368.
19. Mosina N. M., Kazaeva N. V. Semantics of visual perception verbs in the Erzya-Mordvin and Finnish languages // *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2021. Vol. 15. № 1. Pp. 23–33.
20. Vardanyan L. V., Vodyasova L. P., Kashtanova I. I. Representation of the Concept of SAFETY in the English-Language Media Discourse // *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2020. Vol. 9. № 2. Pp. 174–180.
21. Virtanen S. Grammaticalized preverbs of aspect and their contribution to expressing transitivity in Eastern Mansi // *Nyelvtudományi Közlemények*. 2014. Vol. 109. Pp. 109–122.

References

1. Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [A sentence and its meaning]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 383 p. (In Russian)
2. Arutyunova N. D. *Nominaciya, referenciya, znachenie* [Nomination, reference, meaning]. *Yazykovaya nominaciya. Obshchie voprosy* [Language nomination. General questions]. Ed. by B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva. Moscow: Nauka Publ., 1977. Pp. 103–206. (In Russian)
3. Vodyasova L. P. *Semantika i funkcional'no-sintaksicheskie svoystva mestoimenij v sovremennom erzyanskom yazyke* [Semantics and functional-syntactic properties of pronouns in the modern Erzya language]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2018, no. 1, pp. 66–76. (In Russian)
4. Vodyasova L. P. *Funkcional'no-smyslovye tipy rechi kak kommunikativno i pragmaticheski obuslovlennyye raznovidnosti monologa* [Functional-semantic types of speech as communicative and pragmatic variety of monologue]. *Gumanitarnie nauki i obrazovaniye* [The Humanities and Education], 2018, no. 9 (3), pp. 157–162. (In Russian)
5. Vodyasova L. P., Ivanova G. S. *Neaktualizirovannyye i aktualizirovannyye chleny predlozheniya v sovremennom erzyanskom yazyke* [Non-actualized and actualized members of a sentence in the modern Erzya language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (4/51), pp. 14–22. (In Russian)
6. Ivanova G. S. *Relyacionnaya paradigmatika otricatel'nykh mestoimenij v mokshanskom yazyke (na primere insarskogo dialekta)* [Relational paradigmatics of negative pronouns in the Moksha language (on the example of the Insar dialect)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2020, no. 14 (2), pp. 191–198. (In Russian)
7. Ivanova G. S. *Slovoizmenitel'nyj potencial lichnykh mestoimenij (na materiale mokshanskih dialektov)* [Inflectional potential of personal pronouns (on the material of Moksha dialects)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 10 (2), pp. 225–235. (In Russian)
8. Koshkareva N. B. *Paradigma akcional'nykh predlozhenij v hantyjskom i neneckom yazykah* [Paradigm of actional sentences in the Khanty and Nenets languages]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2019, no. 18 (9), pp. 102–126. (In Russian)
9. Martynov A. K. *Davoldo ikele: roman* [Before the Storm: novel]. Saransk: Mordovskoe kn. izd-vo Publ., 1992. 240 p. (In Mordovian-Erzya)
10. Nyorgor-Syorensen J. *Referencial'naya funkciya russkikh mestoimenij (v sopostavlenii s mestoimeniyami nekotorykh drugih slavyanskih yazykov)* [Referential function of Russian pronouns (in comparison with the pronouns of some other Slavic languages)]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues of Linguistics], 2002, no. 2, pp. 35–47. (In Russian)
11. Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesyonnost' s dejstvitel'nost'yu (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij)* [Utterance and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 272 p. (In Russian)
12. Solovar V. N. *Strukturno-semanticheskie osobennosti obsko-ugorskih glagolov s preverbami jira / jirna / pōhan / pōhyn* [Structural and semantic features of Ob-Ugric verbs with the preverbs jira / jirna / pōhan / pōhyn]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 12 (2), pp. 328–337. (In Russian)
13. Solovar V. N. *Strukturno-semanticheskie osobennosti hantyjskih glagolov s preverbom shchiv (na materiale kazym'skogo dialekta)* [Structural and semantic features of Khanty verbs with the preverb shiv (on the material of the Kazym dialect)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (4/51), pp. 723–730. (In Russian)
14. Stepanov S. Yu. *Imena. Predikaty. Predlozhenie* [Names. Predicates. Sentence]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 361 p. (In Russian)

15. Fedorkiv L. A. *Funktsional'no-semanticheskaya harakteristika mestoimeniya neməlti / neməlti v hantyjskomazyke* [Functional and semantic characteristics of the pronoun neməlti / neməlti in the Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (4), pp. 707–719. (In Russian)
16. Sheyanova S. V., Yusupov A. F. *Antroponimicheskoe prostranstvo sovremennogo mordovskogo romana* [Anthroponymic space of a modern Mordovian novel]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 113–122. (In Russian)
17. Nikolaeva I., Kovgan E., Koshkareva N. Communicative Roles in Ostyak Syntax. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1993, no. 51 (1–3), pp. 125–167. DOI: <https://doi.org/10.33339/fuf.114379>. (In German)
18. Koshkareva N. Topic and focus in Khanty and Nenets (Communicative roles and pragmatic strategies). *The 18th International Congress of Linguistics "Unity and Diversity of Languages" (July 21–26, 2008, Seoul, Korea): Abstracts: in 2 vol.* Seoul: Korea University, 2008. Vol. 2. Pp. 367–368. (In English)
19. Mosina N. M., Kazaeva N. V. Semantics of visual perception verbs in the Erzya-Mordvin and Finnish languages. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2021, no. 15 (1), pp. 23–33. (In English)
20. Vardanyan L. V., Vodyasova L. P., Kashtanova I. I. Representation of the Concept of SAFETY in the English-Language Media Discourse. *International Journal of Applied Exercise Physiology*, 2020, no. 9 (2), pp. 174–180. (In English)
21. Virtanen S. Grammaticalized preverbs of aspect and their contribution to expressing transitivity in Eastern Mansi. *Nyelvtudományi Közlemények*, 2014, no. 109, pp. 109–122. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Водясова Любовь Петровна, профессор кафедры родного языка и литературы, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11 А), доктор филологических наук, профессор.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6767-6337

Иванова Галина Софроновна, профессор кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (430000, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

galina17-05@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7717-543X

ABOUT THE AUTHORS

Vodyasova Lyubov Petrovna, Professor, Department of the Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev (430007, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Studencheskaya Str., 11A), Doctor of Philological Sciences, Professor.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6767-6337

Ivanova Galina Sofronovna, Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

galina17-05@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7717-543X